

лакт Симокатта). И те и другие с одинаковым презрением и недоверием относились к народным массам и в самых мрачных тонах описывали народные движения.

Все они, хотя и в разной степени, были осведомлены о государственных делах и проявляли в своих трудах особый интерес к внешнеполитической истории византийского государства, сложной дипломатической игре, войнам с различными народами, к придворным интригам и борьбе политических партий. В меньшей степени их интересовали события внутренней истории, жизнь же народных масс, за редким исключением, оставалась вне поля их зрения.

Характерной чертой произведений всех ранневизантийских историков светского направления было их тяготение к изображению современности, к описанию самых животрепещущих проблем окружающей их жизни. Все они, в отличие от церковных хронистов, в своих произведениях освещают сравнительно короткий исторический отрезок времени и сосредоточивают основное внимание на изложении современных им событий. В этом их огромное преимущество перед хронистами. Сочинения историков в значительно меньшей степени компилятивны, чем труды хронистов. Их произведения написаны, как правило, на основании современных им документов, рассказов очевидцев и личного опыта. В этом отношении труды историков сохраняют в большей степени аромат эпохи, они представляют собой свидетельство современников, что значительно увеличивает их ценность как исторического источника. Вместе с тем именно близость к современности делает произведения историков особенно тенденциозными, подверженными влиянию политической борьбы.

В этих сочинениях, кроме того, с особой силой ощущается влияние личности историка, его социальных и политических воззрений, что проявляется в отборе, интерпретации и оценке исторических событий. В хрониках оценочный момент затемняется стереотипами религиозно-дидактического характера, здесь же сам историк, как судья, выносит приговор множеству исторических лиц, зачастую не сознавая, конечно, что он делает это с позиций своего класса.

Наиболее разительным примером всего сказанного является творчество самого крупного византийского историка раннего времени — Прокопия Кесарийского²³.

Отдавая дань уважения традициям античности, Прокопий всем своим существом тяготел к современности. Именно современные ему события он стремился донести во всей полноте до будущих поколений.

Ранневизантийская историография не знает другого труда, где бы с такой правдивостью был передан дух эпохи, так напряженно бился пульс современной жизни, как в «Тайной истории» Прокопия. Вместе с тем творчество Прокопия является поразительным примером

²³ *Procopii Caesariensis Opera omnia*, rec. J. Haury, v. I—IV. Lipsiae, 1962—1964. Литература, посвященная творчеству Прокопия, очень обширна. См. *G. Moravcsik. Byzantinoturcica*, Bd. I. Berlin, 1958, S. 496—500; *G. Wirth. Mutmassungen zum Text von Prokops*; «Gotenkreis». — «Helikon». 4 (1964), № 1—4; 5 (1965), № 2—4; *R. Benedicty. Die Milieu-Theorie bei Prokop von Kaisareia*. — *BZ*, 55 (1962).